Периметр

Крис Бекетт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Переступать эту черту настрого запрещено, ведь она разделяет законный виртуальный мир и почти нелегальный физический.

- Крис Бекетт
  - ○

Крис Бекетт

Периметр

ПЕРИМЕТР

Впервые Лемми Леонард заметил белого оленя, когда тот мирно трусил мимо кондитерской на Бутчер-роуд в десять утра в среду. Ничего подобного Лемми в жизни не видел и обязательно пошел бы следом, если бы из-за угла не вывернул констебль Саймон. Лемми полагалось быть в школе, к тому же их директриса снова взялась бороться с прогулами, поэтому ему пришлось нырнуть в переулок и переждать, пока полицейский пройдет мимо. Когда опасность миновала, олень уже исчез.

Даже странно, каким покинутым Лемми себя почувствовал. Весь день его преследовало ощущение утраты. Он не мог бы описать его словами, вообще не знал, как объяснить.

- Ты здоров, миленький? - спросила вечером мама, когда принесла ему чай (она походила на голливудскую старлетку, только без фирменного зазнайства). - Ты какой-то тихий.

За окном шел дождь. Об этом в их доме узнавали по еле заметным серым полосам-потекам, бежавшим по комнате, как помехи на телеэкране.

Второй раз он увидел оленя возле паба на Вестферри-роуд. Это было в четверг днем, и Лемми гулял с Китом Роджерсом, Тиной Миллер и Джеймсом Молссом. Ему, честное слово, хотелось сразу броситься за белым чудом, но тут Кит предложил сходить в Грейтаун, и стоило Лемми только открыть рот, его непременно записали бы в слабаки.

- Только не в Грейтаун! - взмолилась Тина. - Терпеть не могу это жуткое место.

- Боишься? - фыркнул Лемми.

- Ни капельки, но… А, ладно, только давайте держаться подальше от нищего. Ну, того, без…

- Брось, он перебрался на угол под Черной стеной, теперь там постоянно торчит. - Кит бросил хитренький взгляд на Джеймса. - Если зайдем с другой стороны, ты его не увидишь.

Лемми и его друзья были дот.лэндцами. Разрешение у них было довольно низким, и их картинка распадалась на пиксели, и цветов-то всего 128 - кроме Джеймса, чьи предки метили в средний класс и недавно сапгрейдились до 256. В богатом Вест-энде они - даже Джеймс - смотрелись бы убогими мультяшками, но в Грейтауне могли расхаживать как истинные короли, становясь предметом зависти и ненависти.

Пойти туда и оказаться среди множества серых лиц так же жутко, как спуститься в ад. Там ведь лица - сплошь силуэтом, иногда с закорючкой вместо носа и черточкой вместо рта. Серые торговцы пытались всучить им какой-то товар, черно-белые дельцы - заключить сделки, карманники с глазами-точками провожали взглядами из подворотен, размышляя, станут ли сопротивляться эти детишки из Дот.лэнда и есть ли у них при себе хоть что-то, ради чего стоило бы с ними связываться. А потом из темноты под железнодорожным мостом раздался звук, которого Тина так боялась и ради которого Кит с Джеймсом ее сюда заманили.

Блип!

Тина завопила.

- Вы же сказали, он с той стороны, у Черной стены! Мальчишки заржали.

- Сволочи! Вы специально это подстроили!

Блип! - снова раздалось из темноты, и в черном проеме арки появились зеленые буквы текстового сообщения: ПОМОГИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА!

Каждый из дот.лэндцев виновато бросил по несколько пенсов кредита этому обнищавшему бедолаге, которому тело и голос были не по карману.

- Ненавижу тебя, Кит Роджерс! - бросила Тина. - Ты же знаешь, у меня от этого типа мурашки по коже!

А потом они снова видели белого оленя, который трусил себе по улицам Грейтауна.

- Смотрите, вот опять, - сказал Лемми, - пойдем за…

Но их отвлекла какая-то суматоха впереди. С дальнего конца улицы приближалась стайка юных грейтаунцев, потешавшихся над одиноким высоким существом с буйной гривой седых волос: держась невероятно прямо, старик невозмутимо шел своей дорогой, точно орел или большая сова, которую донимают воробьи.

Друзья узнали мистера Говарда. Мистер Говард был богатым домовладельцем, известным и в Грейтауне, и в Ист-энде, и иногда приходил осмотреть свою собственность - одетый в неизменный мятый костюм зеленого бархата (в истинных красках и с таким

высоким разрешением, какое вообще возможно: виднелись даже протертые локти, обтрепанные манжеты и аутентичный сальный отблеск ткани, месяцами не видевшей чистки).

Больше всего привлекало и пугало в мистере Говарде то, с каким величественным пренебрежением он шагал по Грейтауну, будто он здесь хозяин. Ему тут и впрямь многое принадлежало. Но это была лишь одна из причин его надменности. Другая заключалась в полнейшей неуязвимости, ведь он был Извне. Палки и камни отскакивали от него, ножи сами собой сворачивали в сторону. Человеку Извне нельзя причинить вред, его нельзя даже остановить. Зато насмехаться можно сколько угодно…

- Жутик! - кричал крошечный черно-белый мальчуган с тротуара, малюсенький ротик-черточка у него даже не открывался. - Мистер Говард - жутик!

- Питер! А ну иди сюда! Сейчас же! - прошипела его черно-белая мама.

Крошечный мальчуган оглянулся с победной улыбкой, но тут заметил страх на лице женщины. Расплакавшись, он бросился к маме, и два мультяшных персонажа съежились в подворотне, а мистер Говард спокойно прошествовал мимо.

Лемми покрутил головой в поисках белого оленя, но тот уже исчез.

Неделю спустя Лемми с друзьями бродил по рынку у себя в Дот.лэнде, праздно глазея на одежду, бижутерию и обувь малого разрешения («Да что там разрешение! Посмотрите, какой дизайн!»), а еще на снедь («Может, с виду - сплошные пиксели, милок, но разве на еду смотрят? Ее едят. На вкус лучше разрешения не бывает!»). Еще тут были палатки с мультяшными животными («В тварей-то настоящая органическая нервная система встроена, дамы и господа! Чувства у них, как у нас с вами!»).

- Смотри, Лемми! - воскликнул вдруг Джеймс, указывая куда-то мимо палатки с обувью. - Вон снова твой белый зверь!

- О'кей, слушайте! - тут же взялся командовать Лемми. - Примолкните и идите за мной.

Олень стоял в темном проулке между двумя старыми викторианскими складами и мирно щипал кустики травы, пробившиеся сквозь трещины в асфальте. Внезапно он поднял голову и посмотрел прямо на ребят. Друзья испугались, что олень сейчас убежит, но нет: опустив голову, он продолжил свое занятие.

- Да что же это такое? - прошептал Лемми, когда они подошли совсем близко.

Осторожно протянув руку, он коснулся теплой шкуры. Зверь словно бы его не заметил. Кит пожал плечами.

- Скучно. Пойдем поищем, чем еще заняться.

- Ага, пойдем, - подхватила Тина. - Мне он не нравится. Уверена, он физический.

На самом деле Лемми и его друзья не понимали, что значит слово «физический», но чувствовали в нем какую-то угрозу. Однажды Лемми нашел на улице кусок физической газеты, который плыл над мостовой, будто вовсе ничего не весил. Но когда обрывок опустился на мостовую, и Лемми за ним наклонился, на ощупь он оказался твердым, словно металл, и поднять его было так же тяжело, как сдвинуть десятитонный камень. И люди Извне отчасти тоже были физическими. Они обладали сродством с физическими объектами. Это и делало Извне.

- Физический? - воскликнул, отступая на шаг, Кит. - Брр! Ты, правда, так думаешь? Я и не знал, что животные бывают физическими. Кроме птиц, конечно.

Олень поднял голову и посмотрел мимо них в конец проулка. Как можно быть таким настороженным и одновременно совершенно безразличным к стоящим рядом людям? Чего еще на свете можно бояться?

- Конечно, он физический, - заключил Джеймс. - Посмотри, какое у него разрешение!

- Да уж, гораздо выше, чем у тебя, четкий ты наш, - фыркнул Кит.

И сказал совершенную правду. Олень нисколько не походил на веселеньких кошек и собак с малым разрешением, которых дот.лэндцы держали у себя дома. У него ведь даже отдельные волоски на спине были видны.

Но даже перепалка ребят не спугнула оленя. Покончив с очередным кустиком травы, он медленно двинулся по проулку, столь же безразличный к мнению мальчишек, как и к их присутствию.

- Ты идешь, Лемми? - крикнул Кит, убегая за Джеймсом и Тиной назад, к пестрому рынку.

Но Лемми двинулся за белым оленем. Он шел за ним через весь Лондон - по переулкам и паркам, через площади и железнодорожные пути, через кварталы высокого и через кварталы низкого разрешения, и через кварталы вообще черно-белые, через торговые центры и запруженные машинами бесплатные трассы.

Двигались они медленно. Олень петлял или без видимых причин вдруг сворачивал в сторону. Иногда он останавливался

минут на двадцать, чтобы пощипать травки или почесаться о дерево. Или вдруг бросался бежать и несся с такой скоростью, что Лемми едва за ним поспевал, а иногда позволял идти рядом, положив руку себе на спину. А однажды олень лег посреди дороги и заснул. Ему сигналили машины.

Один водитель даже вышел и пнул зверя в бок. Лемми страшно возмутился, вот только олень даже не пошевелился, а мужчина ушиб ногу.

- Чертов Совет, - пробурчал водитель, сердито глянув на Лемми, и заковылял назад к машине. - Их же сюда пускать не положено.

Этому автомобилю (и всем прочим за ним) пришлось съехать на обочину, чтобы обогнуть спящее животное.

«Кого «их»? - удивился Лемми. - Кого Совету не положено сюда пускать?»

Минут через пять олень проснулся и по собственной воле освободил проезд.

В другой раз он прошел в дверь небольшого домика в ряду других таких же - и не в открытую дверь, а прямо сквозь блестящую голубую поверхность закрытой, точно она была из тумана или дыма. Зрелище было необъяснимым и пугающим, но время от времени в Лондоне такое случалось (однажды, когда Лемми был маленьким, они с мамой гуляли по улице и вдруг целый кусок мостовой перед ними просто исчез, будто кто-то переключил каналы телевизора. Несколько секунд спустя он вернулся на место, ничуть не изменившись). Лемми подождал, и через несколько минут из двери появились рога, голова и шея зверя - выглядели они, как чучело на стене. Потом вынырнуло все остальное, и олень преспокойно потрусил по улице. А голубая дверь открылась, и на пороге показалась растерянная супружеская чета, которая еще долго стояла и смотрела вслед зверю.

Они все брели и брели по лондонским улочкам. Но когда начали сгущаться сумерки и зажглись фонари, олень решительно свернул на север. Словно закончил работу на сегодня, подумал Лемми, и теперь отправляется домой. Олень больше не останавливался пощипать травку и ни разу не повернул назад. Он бежал бодрой трусцой, иногда переходил в галоп. Он спешил мимо сотен домов, где семьи устраивались провести уютный вечерок перед телевизором. Несколько раз Лемми казалось, что он уже упустил цель, когда олень убегал вперед и исчезал из виду. Но только мальчик собирался сдаться, как снова видел зверя в отдалении: призрачное пятнышко в свете фонарей. Поэтому он все шел и шел, хотя теперь уже оказался в

незнакомой части города.

А потом вдруг олень подошел к последнему дому в Лондоне - и город кончился.

Лемми, разумеется, знал, что Лондон небезграничен. Он знал, что за городом есть и другие места: иначе для чего же вокзалы с порталами, пройдя через которые, можно посетить Нью-Йорк или Флориду, Небеса или Космос? Но ему никогда не приходило в голову, что существует предел, за которым город просто иссякает.

Длинной дугой с востока на запад впереди пролегла вереница оранжевых фонарей, тянувшаяся вверх-вниз по холмам, и на каждом пятом столбе висела табличка Совета:

ПЕРИМЕТР ГОРОДСКОГО КОНСЕНСУСНОГО ПОЛЯ.

К северу, за фонарями и вывесками, оранжевый отблеск ложился еще на несколько ярдов, но потом обрывался. За ним - пустота: ни земли, ни предметов, ни пространства, только тусклое свечение, как у статики на пустом телеканале.

Лемми редко ходил в школу и едва умел читать - во всяком случае, предпочитал игнорировать официальные надписи. Но гораздо важнее в тот момент было то, что белый олень уже потрусил под фонари и в пустое свечение за ними. Честь дот.лэндца велела не останавливаться. Пусть Лемми понятия не имеет, что такое «периметр» (не говоря уже про «консенсусное поле»), пусть это означает, что придется шагнуть в неведомое, он не мог остановиться, как не мог не пойти «на слабо» в Грейтаун или не бросить ругательство «жутик» прямо в надменное, с пугающе высоким разрешением лицо мистеру Говарду.

Но почти сразу же он замер, и вовсе не потому, что передумал, а потому, что выбора другого не оставалось. Он сделал шаг и застыл: некуда было поставить ногу. Снова появились слова, которые он видел на табличке, но на сей раз они сияющей зеленью заморгали прямо перед его носом:

ПЕРИМЕТР ПОЛЯ!

ПЕРИМЕТР ПОЛЯ!

ПЕРИМЕТР ПОЛЯ!

Оставалось лишь стоять и смотреть, как белый олень трусит по своим неведомым делам.

В оранжевом отблеске фонарей зверь оглянулся и посмотрел на мальчика. И вот теперь - как это ни странно - вид у него стал определенно встревоженным. «Неужели он наконец заметил мое существование? - удивился Лемми. - И если да, то почему теперь? Ведь я несколько раз касался зверя, и это его ни чуточки волновало. Почему сейчас, если раньше он преспокойно лежал посреди шоссе и давал себя пинать?»

Но сейчас испуганное животное удалялось огромными прыжками.

И когда пересекло границу оранжевого свечения, исчезло в мерцающей пустоте статики.

- Мне очень жаль. Ты наблюдал за ним, верно? - спросил женский голос. - Боюсь, это я его спугнула.

Лемми оглянулся. Говорившая была высокой и исключительно безобразной. Такого старого человека он никогда в жизни не видел, зато разрешение у нее было самое высокое - виднелись даже самые мелкие морщинки на коже. Мальчик заметил помаду, размазавшуюся в уголках губ, и грубые волокна на ее некрасивом зеленом платье.

- Да, я за ним следил. Мне хотелось знать, куда он направляется. Я за ним с другого конца Лондона пришел.

- Извини.

Лемми пожал плечами.

- Он все равно, наверное, убежал бы. Он же за фонари направлялся. - Мальчик указал взглядом на пустоту в отдалении. - Я одного не понимаю, что там вообще есть и почему олень просто исчез?

Женщина достала из кармана странную штуковину из двух плоских стеклянных дисков, вставленных в проволочную рамку. Две загогулины на длинных проволочках она заправила себе за уши, потом опустила штуковину на нос и всмотрелась сквозь нее.

- Нет, он не исчез. Он еще там. Смотри, сразу за забором! Лемми пожал плечами.

- Наблюдай вон за той большой дырой! Наверное, через нее он сюда и попал.

- Ничего я не вижу, - сказал Лемми.

- Смотри сразу за ограждение. Вон перед деревьями.

- Нет там никакого ограждения. И деревьев тоже.

- Господи, что я говорю! - воскликнула старуха. - Извини, я просто не подумала. Деревья ведь за консенсусным полем, верно? Поэтому, разумеется, ты их не видишь.

Лемми снова поднял на нее глаза. При своем безобразии она вела себя, как знаменитая актриса или телеведущая. У кого еще бывает такая уверенность в себе и хорошо поставленный голос?

- А как вышло, что вы их видите? И почему зверь может туда попасть, а я нет?

- Это олень, - мягко сказала старуха. - Олень-самец. Он способен туда пройти, а ты нет, потому что он физическое существо, а ты консенсусное. Ты можешь видеть, слышать и трогать только то, что существует в консенсусном поле.

- Я так и знал, что он просто физический, - бросил Лемми.

- Просто физический?! Ты говоришь это так пренебрежительно, а ведь все мы когда-то были физическими.

Лемми для виду хихикнул, полагая, что это, наверное, какая-то старая шутка знаменитых актеров.

- Ты про это не знал? Разве такому больше не учат в школе?

- Я в школу не хожу, - отозвался Лемми. - Смысла нет.

- Нет смысла ходить в школу?! - воскликнула женщина. - Ну надо же! - Последнее прозвучало то ли смешком, то ли вздохом. - Дело обстоит так, - продолжала она. - В городе друг на друга накладываются два мира: физическая вселенная и консенсусное поле. Любой физический объект, который стоит или движется в пределах реального города, воспроизводится в том городе, который служит фоном для консенсусного поля. Вот почему ты видел оленя в городе, но потерял из виду, когда тот вышел за периметр. Понимаешь, о чем я?

- Не-а, - Лемми равнодушно пожал плечами, а потом не удержался и добавил: - Но он-то почему меня не видел? Даже в городе?

- А как дикому зверю увидеть консенсусное поле? Звери вообще ничего про консенсус не знают. Мы с тобой можем вернуться в город, смотреть на запруженные людьми улицы, но для оленя они останутся пустыми. Он может бродить по ним весь день и вообще никого не встретить, разве что случайную чудачку вроде меня.

Лемми посмотрел на нее проницательно.

- Вроде вас? Авы… Женщине стало неловко.

- Да, я физическая. Вы нас называете людьми Извне. Но, пожалуйста, не надо…

Осекшись, она с безмолвной мольбой тронула его за плечо. На мгновение Лемми осознал, как ей одиноко, и, поскольку был добрым мальчиком, пожалел старуху. Но в то же время задумался, а хватит ли у него сил убежать, пока она его не сцапала.

- Пожалуйста, не уходи! - взмолилась старуха. - Мы просто люди, понимаешь? Просто люди, которые - так уж получилось - еще живут и перемещаются в физическом мире.

- Значит, вы, как тот зверь?

- Вот именно. Мы еще остались. Есть еще немного таких, у кого достаточно денег, кто слишком стар и кому повезло…

- Но почему вы меня видите, если зверь не может?

- Потому что у меня есть имплантанты, которые позволяют видеть, слышать и осязать консенсусное поле.

- Значит, просто так вам реальный мир недоступен! - фыркнул Лемми.

- Ну, кое-кто сказал бы, что реальный мир - это то, что существует Вне консенсусного поля. - Она указала за оранжевые фонари. - Как те деревья и холмы за ними. Как устье широкой, илистой реки к востоку, как холодное море… - Она вздохнула. - Как бы мне хотелось показать тебе море…

- Да я сто раз его видел!

- Ты бывал на искусственном море: в тематическом парке или на специальных детских площадках на побережье. Я говорю про настоящее море, о котором перестали думать. А оно ведь существует, плещется, всеми забытое… В наши дни оно, как необитаемая планета, которая вращается вокруг далекой звезды. И леса, и горы, и…

Лемми рассмеялся.

- Ага, уйма всего Извне, чего никто не видит! Да ты меня дурачишь!

Старуха посмотрела на него в упор.

- Знаешь что, - сказала она. - Видеть деревья ты не можешь, но если прислушаешься, то наверняка их услышишь. Попробуй! Ночь сегодня ветреная. Сенсоры уловят звук.

Лемми прислушался. Поначалу он вообще ничего не слышал, но постепенно различил очень слабый, незнакомый и новый звук: вздох, который становился то громче, то тише и прокатывался где-то в пустоте за периметром. Он часами мог бы слушать этот звук из пространства за краем его собственной вселенной. Но старухе он ни за что не проговорится.

- Нет, - твердо сказал Лемми. - Я ничего не слышу. А старуха улыбнулась и коснулась пальцем его щеки.

- А ты мне нравишься. Как тебя зовут? Откуда ты? Лемми мгновение только смотрел на нее, взвешивая вопрос.

- Лемми, - ответил он наконец, решительно вздернув подбородок. - Лемми Леонард. Я живу далеко, в Дот.лэнде.

- В Дот.лэнде? Ну надо же, как далеко ты забрался! Это ведь на другом конце Лондона! Послушай, Лемми, меня зовут Кларисса Фолл. Мой дом вон там. - Она указала на большой викторианский особняк приблизительно в полумиле к востоку, который стоял у самого периметра, подсвеченный снизу холодными зеленоватыми огоньками. - Почему бы тебе не перекусить у меня, прежде чем ты отправишься домой?

Ничего подобного мальчику совсем не хотелось, но он решил, что отказаться будет бестактно и жестоко. Старуха выглядела такой одинокой («Наверное, они все одиноки, - подумал он. - Никто ведь не хочет с ними разговаривать. Никто не хочет встречаться с ними взглядом. Люди даже не подпускают к ним детей»).

- Ладно, пошли, - сказал он вслух. - Но ненадолго.

Дом Клариссы стоял в строго распланированном английском саду с геометрически правильными розовыми клумбами и каменными нимфами и богами, которые маячили в темных, поблескивающих прудиках и из которых била вода. Тропинки вились от одной застывшей группки к другой и все были подсвечены прожекторами.

- Статуи и прожектора - физические, - пояснила Кларисса, - но от физических роз и физической воды пришлось избавиться, за ними слишком тяжело ухаживать. Поэтому фонтаны и розы здесь кон-сенсусные, они - часть поля. Если я выключу имплантанты, то увижу только каменные статуи и чаши, в которых нет ничего, кроме сухой тины и лягушачьих косточек.

Глянув на Лемми, она вздохнула. Лампочки вдоль дорожек светились зеленовато, словно яркий лед.

- И конечно же, тут не будет тебя, - добавила она.

- Как это не будет меня? А где же я буду?

- Ну, наверное, ты-то тут будешь, только я не смогу этого определить. Совсем как олень.

Лемми видел, что ей хочется сказать что-то еще, что-то неположенное. А потом вдруг она с собой не справилась…

- Если честно, оленя его глаза не обманывали, - вырвалось у нее. - На самом деле тебя тут нет, ты…

- Что значит, меня тут нет? - сердито возразил Лемми.

На ее лице возникло странное выражение, одновременно виноватое и победное. Словно она радовалась, что добилась хотя бы какой-то реакции - так некрасивая девчонка на школьной площадке пристает к тебе, лишь бы самой себе доказать, что она существует.

Они как раз приблизились к двери особняка, когда Кларисса повернулась к гостю.

- Не обращай внимания на мои слова. Конечно же, ты здесь, Лемми. Конечно, здесь. Ты молод, ты жив, полон надежды и любопытства. Ты здесь больше, чем я. Правду сказать, намного больше.

Она толкнула тяжелую дверь, и они ступили в гулкий мраморный вестибюль.

- Это ты, Кларисса? - раздался ворчливый мужской голос.

Из боковой комнаты вышел старик, лицо у него было желтое и помятое, плечи - сутулые. Бесформенные джинсы держались на обернутой вокруг туловища бечевке. Но, как и у Клариссы, разрешение у него было такое высокое, что Лемми едва не почувствовал себя грей-таунцем.

- Ты долго пропадала, - пробурчал старик. - Где, скажи на

милость, тебя носило?

- Познакомься с Лемми, Теренс, - сказала Кларисса.

Старик нахмурился, уставившись на мраморную плиту, на которую она указала.

- А?

- Это Лемми, - повторила она раздельно и с нажимом, как говорят, пытаясь напомнить другим то, что им давным-давно положено знать. - Имплантанты, - прошипела она, когда он не уловил намек.

Пробормотав что-то себе под нос, старик покрутил у себя за ухом.

- О Господи, Кларисса! - устало вздохнул он, только сейчас заметив Лемми и поспешно отводя глаза. - Неужели опять? Только не начинай все сызнова.

Кларисса предложила Лемми пройти в гостиную.

- Садись, дружок, устраивайся поудобнее. Я через минутку вернусь.

Это была высокая длинная комната, отделанная деревянными панелями. По стенам висели потемневшие от времени картины с вазами фруктов, мертвыми фазанами и строгими, неулыбчивыми лицами. Почти догоревший огонь тлел в камине под огромной каминной полкой с резьбой в виде переплетенных листьев.

Лемми неловко опустился на большой темно-красный диван и стал ждать, жалея, что согласился прийти. В вестибюле ссорились старики.

- Почему я должен включать треклятые имплантанты в собственном доме? Почему мне нельзя жить в реальном мире без электронных штуковин? Я же не просил тебя приводить в гости всяких призраков!

- Почему бы тебе не признать, что теперь их мир реален, Теренс? Не они сейчас призраки, а мы!

- Ах вот как? Тогда почему они исчезают без следа, как только отключишь чертовы…

- А потому, что через двадцать или тридцать лет мы умрем, и никто про нас даже не вспомнит, а миллионы их будут жить и любить, учиться, работать, играть…

- Речь не о том, и ты это знаешь. Речь о том…

- Оставь, Теренс. Я не желаю об этом спорить. Я вообще не желаю с тобой спорить. У меня гость, понимаешь? Если уж на то пошло, у нас обоих гость. И, пожалуйста, относись к нему как полагается.

Переступив порог гостиной, она выдавила улыбку, немного нервную после ссоры в вестибюле.

- Как насчет шоколадного кекса? - воскликнула она слишком

весело, указывая на блюдо с выпечкой.

Лемми умирал с голоду и сразу потянулся к блюду - но без толку. Он мог коснуться кексов, даже их потрогать, но пытаться сдвинуть один, все равно что толкать грузовик или дом.

- О Господи! - охнула Кларисса. - Извини, я совсем забыла. «Опять?» - подумал Лемми, вспоминая, как раньше она «забыла»,

что дальше периметра он ничего не видит.

- Нестрашно. - Вскочив, она подошла к буфету в углу комнаты. - Я всегда держу кое-что из вашей снеди. Гости к нам заглядывают редко, но никогда не знаешь…

Вернулась она с другим блюдом кексов. Эти были кричаще яркими и с таким низким разрешением, словно она специально их выбрала, лишь бы оттенить свое домашнее печево. Но Лемми был голоден и съел один за другим шесть штук, а она смотрела и улыбалась.

- Надо же, какой завидный аппетит!

- Я ведь из самого Дот.лэнда добирался, - напомнил ей Лемми. - И постоянно бежать приходилось. К тому же зверь не по прямой сюда шел. То туда, то сюда, а еще несколько раз давал кругаля.

Рассмеявшись, Кларисса кивнула. А потом, как уже несколько раз до того, начала что-то говорить, осеклась, но все равно сказала. Похоже, у нее была такая привычка. Наверное, когда много времени проводишь один, разучиваешься о чем-то умалчивать.

- Знаешь, как функционирует твоя еда? - спросила она Лемми. - Знаешь, почему она тебя насыщает? - И даже не дала Лемми возможности ответить: - Всякий раз, когда ты что-то откусываешь, компьютер посылает сигнал, и откуда-то очень далеко идут сигналы к твоим центрам осязания. Тогда небольшое количество питательных веществ впрыскивается в твой кровоток…

Лемми нахмурился.

- Почему ты все время так делаешь?

- Что именно, дружок? - Она разыграла полнейшую невинность, но притворство было хрупким как стекло.

- Сбиваешь меня с толку.

- О чем ты, Лемми? Зачем, скажи на милость, мне сбивать тебя… Она снова осеклась, провела рукой по лицу, словно стирала маску

ложной искренности, и ненадолго умолкла, уставившись на почти догоревший огонь.

- Наверное, из зависти, - сказала она наконец. - Да, из самой обычной зависти. Мне так обидно смотреть на шум и смех в

Дот.лэнде. Мне завидно, что ты живешь в этом городе. Ведь все мои настоящие друзья умерли. В Лондоне нас, Внешних, осталось не больше ста, и по прошествии стольких лет мы на дух друг друга не переносим. Знаешь, мы не можем иметь детей. Это - одно из условий, при которых нам позволили остаться Извне. Нас стерилизовали. Конечно, мы все равно были слишком старыми.

Она устало вздохнула - точно человек, которому сама печаль надоела, как серые тучи, которые никогда не развеются.

- А на улицах… ну, сам знаешь, каково там… Ты необычный. Ты ведь не убежал, едва узнав, кто я, и не стал надо мной потешаться, и друзей не позвал, чтобы они тоже надо мной посмеялись и обозвали «жутиком». Ты добрый. И посмотри, как глупая старуха тебя отблагодарила!

Внезапно схватив блюдо с настоящими кексами, она решительно подошла к камину и выбросила их в огонь. Поднялись язычки желтого и голубого пламени, чтобы сожрать промасленный кулинарный пергамент.

Некоторое время оба молчали.

- Вы мистера Говарда знаете? - спросил вдруг Лемми. - Того, которому принадлежат дома в Грейтауне?

- Ричарда Говарда? Знаю? Да я пять лет была за ним замужем!

- Замужем? За мистером Говардом? Шутите!

- Отнюдь, - улыбнулась Кларисса. - Видишь ли, все мы, уцелевшие, так или иначе жили друг с другом. Возможных перестановок ведь не так много.

- И какой он?

- Ричард Говард? Этот никогда не моется, - сморщила носик Кларисса. - И воняет от него, как из помойки.

- Воняет? - спросил вдруг ее муж. - Кто воняет?

Пока они разговаривали, старик вошел в комнату и начал шумно рыться в кипе бумаг на секретере у них за спиной, шуршал и шаркал, лишь бы его присутствие не осталось незамеченным.

- Я все равно не понимаю, куда пошел тот белый зверь? - сказал Лемми. - И почему мне не удалось?

- Белый зверь? - раздраженно переспросил старик, поднимая голову от бумаг, чтобы обратиться к жене. - Какой еще белый зверь?

- Олень, - терпеливо объяснила она. - Альбинос, наверное.

- В самом деле? И как вышло, что мальчишка его увидел?

- Очевидно, олень пробрался в одну из дырок в ограждении.

- Ха! - хмыкнул старик. - Опять треклятая дырка, да? Совет на все смотрит сквозь пальцы. А в ограждении то и дело возникают огро-менные дыры!

Недоуменно посмотрев на Клариссу, Лемми заметил, как она съежилась от презрительных слов мужа. Но не дала заткнуть себе рот.

- Да, да, - продолжала она с возмутительной небрежностью, - и если верить нашему Лемми, он добрался до самого Дот.лэнда. Лемми пришел сюда за ним, чтобы выяснить, откуда он взялся. Но олень ушел за периметр, а Лемми не смог последовать за ним. Лемми… - тут она попыталась подобрать слова потактичнее: - Не понимает, куда он подевался.

- Неудивительно! - проворчал старик. - Им ведь правды не говорят. Не говорят, кто они на самом деле или что происходит. Им…

- А что происходит на самом деле? - прервал его Лемми.

- Что происходит? - Теренс невесело то ли хохотнул, то ли кашлянул. - Ладно, покажу ему, если он так хочет. Могу достать камеру и продемонстрирую.

- Не уверена, что это удачная мысль, - начала было Кларисса, но возражение прозвучало вяло, а ее муж уже вернулся к вместительному секретеру и снова выдвинул ящик.

Достав видеокамеру и какие-то провода, он подсоединил их к телевизору в углу гостиной. На экране появилась часть каминной полки - размытая и сильно увеличенная. Достав стеклянную штуковину, похожую на ту, какую напяливала Кларисса, он опустил ее себе на переносицу. Потом что-то в ней поправил. Картинка уменьшилась и сфокусировалась.

Ничего примечательного в изображении не было. Просто комната, где они сидели. Но когда Теренс направил камеру в другую сторону, на экране появилось кое-что, не видимое в самой комнате - почти под потолком висела серебряная сфера размером чуть больше футбольного мяча.

- Что это? - спросил Лемми.

- Сенсор, - ответил старик, но смотрел при этом на жену. - Проклятая штуковина. Нам пришлось во всех комнатах их развесить. Положено по закону. Это часть наказания за то, что живешь внутри периметра.

- Но что это такое? И почему я вижу ее только по телику?

- Он не знает, что такое сенсор?! - прорычал Теренс. - Господи милосердный! Да чему их вообще учат?

- Они тут не виноваты, милый, - мягко сказала Кларисса.

- А вот и нет, - весело отозвался Лемми. - Я вообще в школу не хожу.

Старик попытался подавить невольный смешок, и потому получилось фырканье.

- Я ведь уже говорила, дружок, - обратилась Кларисса к

Лемми. - Сенсоры - это приборы, которые отслеживают физический мир и передают информацию в консенсусное поле…

- …А оно накладывает поверх любую безвкусную дрянь, какую пожелает, - буркнул старик. - Как те… те дурацкие цветные пирожные из воздуха.

Он говорил про кексы с малым разрешением, которые Кларисса достала из буфета для Лемми. Только теперь Лемми заметил пугающее несоответствие картинки на экране и самой комнаты. На столе в комнате еще стояло блюдо с последними тремя кексами, а на экране хотя и были ясно видны стол и блюдо, но последнее было совершенно пустым.

- А почему я кексов по телику не вижу? Почему не вижу сенсора в комнате?

- Кексы - консенсусные. Сенсор - физический, - объяснил, не глядя на него, Теренс. - Сенсор способен засечь все, кроме себя самого - совсем как человеческий мозг. Он накачивает поле информацией о физическом мире, но сам в нем ни визуально, ни тактильно не отражается. Вообще никак не отражается.

- Они для нас большая помеха, Лемми, - весело сказала Кларисса. - Сущее бельмо на глазу, и мы вечно стукаемся о них головами. Но вам они не страшны: вы способны пройти прямо сквозь них. Вам они не мешают. На дороге у вас не стоят. - Она посмотрела на мужа. - Ты же не собираешься… Я хочу сказать, ты ведь не хочешь наставить на него камеру? Не хочешь показать ему самого себя?

Тут Лемми сообразил, что она только делает вид, будто предостерегает Теренса, но на самом деле старается ему напомнить.

- Ага, давайте покажите мне меня, - устало сказал он, заранее зная, что увидит.

Старик обвел камерой комнату. На телеэкране Лемми увидел сидящую в кресле Клариссу. Увидел картину с дохлыми фазанами. Увидел умирающие янтарные угли в камине и уголок темно-красного дивана, где сидел он сам. А потом - хотя совершенно того не желал - весь диван целиком.

Как Лемми уже догадался, диван был пуст.

- Ладно, - сдавленно сказал он. - Пусть меня тут нет, тогда где же я?

- Могу и это тебе показать, если хочешь, - сказал Теренс, все еще не глядя на мальчика, но впервые обращаясь прямо к нему. - Пойдем наверх…

- О, Теренс, - пробормотала Кларисса. - Это уж слишком. Думаю, нам следовало бы…

Но сама при этом вскочила с кресла.

Лемми поплелся за ними по широкой мраморной лестнице. Двигались медленно. Подъем давался старику тяжело, ему даже пришлось несколько раз остановиться, чтобы опустить камеру на ступени и перевести дух.

- Давай, я понесу, Теренс! - нетерпеливо говорила ему всякий раз Кларисса. - Я знаю, ты лестниц не любишь.

- Все в порядке, - неизменно отвечал он, задыхаясь. Лицо у него раскраснелось, глаза стали влажными и налились кровью. - Перестань кудахтать.

На первой площадке стояли три стеклянных шкафчика: в одном красовались окаменелые раковины, в другом - образцы минералов, в третьем - сотни мертвых колибри, рассаженных на ветках искусственных деревьев. Часть переливчатых птичек попадала с насестов и болталась на проволоке, несколько лежало на дне шкафа. Старик проковылял ко второму пролету.

- Вот тут еще один сенсор, - просипел он, на мгновение оборачиваясь к Лемми.

Положив камеру на пол, он привстал на цыпочки и, тяжело дыша, потянулся постучать по чему-то костяшками пальцев. Раздавшийся звук отчасти походил на ветер среди деревьев. Лемми ясно слышал гулкий звук, какой получается, когда стучат по твердой поверхности, но видел лишь, как покрытая старческими пятнами рука Теренса барабанит по воздуху. А когда Лемми сам шагнул вперед и протянул руку к тому же месту, ничего твердого или даже плотного он не нащупал.

- Теренс однажды отсоединил этот сенсор, - рассказала Кларисса. - Та еще шкодная выходка, нам пришлось заплатить большой штраф… Как бы то ни было, он выдернул шнур, и…

- А вот возьму и снова отключу, - пообещал Теренс и поднял руку. - Отключу и покажу этому молодому человеку, каково…

И вдруг не стало ни лестницы, ни Клариссы, ни Теренса, одна только мерцающая пустота и треск статики. Когда Лемми поставил ногу перед собой, под ней ничего не оказалось. Когда он вытянул руку, то не уперся в стену. Когда он попытался заговорить, никакого звука не получилось. Словно бы сам мир еще не создали.

Зато перед глазами у него замигало зелеными буквами сообщение:

ОШИБКА ЛОКАЛЬНОГО СЕНСОРА!

И успокаивающий женский голос в голове Лемми произнес:

- Примите наши извинения. Произошел сбой в работе местного сенсора. Если через пять секунд он не будет устранен, вас перенесут по вашему домашнему адресу или по тому, который зарегистрирован как ваше местонахождение. Один…

два… три…

Но потом он вдруг снова оказался на лестнице, в ветшающем особняке Клариссы и Теренса.

- Подсоединяй скорее, Теренс! - кричала мужу Кларисса. - Немедленно! Слышишь!

- Да замолчи же, глупая ты женщина! Уже подсоединил.

- Ага, - подтвердил Лемми. - Я вернулся.

- Мне так жаль, Лемми, - сказала, беря его за руку, Кларисса. - Теренс такой жестокий. Это, наверное, было…

Старик с трудом взбирался по лестнице. На второй площадке оказались шкаф с кремневыми наконечниками стрел, еще один с римскими монетами и третий, полный залитых формалином анатомических диковин: тут были обезображенные эмбрионы, препарированная змея, крыса, живот которой вспороли, а шкуру оттянули в стороны. Еще Лемми углядел какую-то глубоководную рыбу с зубами-иглами… Дверка в стрельчатом проеме между вторым и третьим поставцами вела на узкую винтовую лесенку. Вскарабкавшись по ней, старики и мальчик попали в комнатку, занимавшую пространство над домом в псевдосредневековой башенке.

Три окна выходили на разные стороны света. У четвертой стены, возле двери, стоял стол с дряхлым компьютером. Все пространство между окнами занимали книжные шкафы. На столе и на полу были неряшливо свалены бумаги и книги, почти все покрытые толстым слоем пыли.

- Тут у нас кабинет Теренса, - фыркнула Кларисса. - Он поднимается сюда, чтобы вести свои знаменитые исследования, хотя - какой сюрприз! - никому, кроме него, о них не известно.

Эту колкость Теренс пропустил мимо ушей. Водрузив на нос стеклянную штуковину, он неловко пошарил за компьютером, чтобы отыскать порт камеры, - и все это время сопел и что-то бормотал себе под нос.

- Ты уверен, что хочешь это увидеть, Лемми? - спросила Кларисса. - Это, наверное, слишком…

- Ну, вот и готово, - удовлетворенно сказал старик, когда монитор ожил.

Он отнес камеру к восточному окну и пристроил на подоконнике. Лемми подошел и выглянул на улицу. Внизу он увидел сад с его льдисто-зелеными огоньками, фонтанами и розами. За ним тянулась вереница фонарей и табличек (по одной на каждые пять столбов), знаменовавшая границу города. За ней - лишь пустота незанятого канала, постоянно мерцавшая бессмысленными точками света.

- В окно ты ничего не увидишь, - сказал Теренс, на одно

краткое мгновение поглядев прямо в глаза Лемми. - Ты полагаешься на сенсоры, а они ничего, помимо Поля, тебе не покажут. Но сенсор в комнате, конечно, уловит и продемонстрирует то, что возникнет на мониторе.

Лемми оглянулся на монитор. Старик примеривался, как бы лучше поставить камеру, и поначалу Лемми увидел лишь подергивание сада внизу. Только вот сад никак не походил на тот, который виднелся из окна. Прожектора остались на месте, но прудики превратились в черные дыры. Фонари и таблички на мониторе выглядели в точности так же, как из окна, но за ними была уже не мерцающая пустота. Ясно проступало высокое ограждение из цепей, за которым чернела ночь с силуэтами деревьев.

Старик перестал возиться с камерой, пристроив ее на подоконнике так, чтобы она показывала прямо вперед. И теперь Лемми увидел на экране большое бетонное здание, стоявшее на некотором расстоянии от периметра. Параллелепипед без окон за высоким забором, окруженный лишь мощеной дорогой, залитой холодным белым светом галогеновых ламп.

- Вот где ты, друг мой, - сказал старик, который, оставив камеру, подошел всмотреться в экран через свои стеклянные диски. - Это Сердцевина Лондона, истинное местонахождение всех жителей Лондонского консенсусного поля. Все вы там - лежите себе рядком и похожи на плевки овсяной кашки в банках.

- Ну зачем ты так, Теренс! - одернула его Кларисса.

- Там пять этажей, - продолжал Теренс. - И на каждом по два коридора, наверное, полмили в длину. Вдоль каждого коридора тянутся на восьми уровнях полки, а на каждой полке, через каждые пятьдесят сантиметров - один из вас. Так вы и сидите в своих банках, соединенные проводками, и вам снится, будто у вас есть тела и конечности, гениталии и смазливые рожи…

- Теренс!!!

- И время от времени, - упрямо продолжал старик, - кто-нибудь из вас засыхает и его, разумеется, заменяют другим плевком овсянки, который роботы вырастили в автоклаве из клеток. А потом двоих из вас обмывают, мол вы зачали и родили дитя, тогда как на самом деле…

- Теренс! Прекрати сейчас же!

Раздраженно фыркнув, старик умолк. Лемми молчал, не отрывая глаз от монитора.

- Разумеется, для окружающей среды лучше не придумаешь, - лишь недолго помолчав, снова заговорил Теренс. - Вот какое придумали разумное, логичное объяснение, вот какой предлог. Насколько я понимаю, две с половиной сотни «плевков»

потребляют энергии и выделяют токсинов и углекислого газа меньше, чем одна интриганка, вроде моей милой Клариссы, или старый хрыч, вроде меня. Но это никак не меняет того факта, что вы, консенсусные, похожи на замаринованные диковины у меня в шкафу, или того, что ваша жизнь сплошная видеоигра, где вас дурачат, заставляя думать, будто вы свободны.

- Зачем ты это делаешь, Теренс? - воскликнула Кларисса. - К чему такая жестокость?

- Жестокость? - раздраженно рявкнул старик. - Ты лицемерка, Кларисса. Законченная лицемерка. Это ты раз за разом приводишь сюда хорошеньких мальчиков, этих несуществующих мальчиков из видеоигры. Зачем еще ты с ними так поступаешь, если не за тем, чтобы показать им, что они есть на самом деле? - Он невесело хохотнул. - И зачем вечно прорезаешь дыры в ограждении?

Кларисса сдавленно охнула, но ее муж только усмехнулся.

- Если ты хотела это скрыть, милочка, то надо было положить секатор на место, в сарай, где ты его нашла. Ты вырезаешь дыры, чтобы животные заходили в город и заманивали к периметру мальчиков, а ты бы приводила их сюда. Ведь я прав, да? Не будешь же ты это отрицать?

- Хорошо, Теренс, хорошо, - пронзительно взвизгнула старуха. - Но Лемми же здесь, сейчас. Лемми же здесь!

- Нет! Он вовсе не здесь. Мы уже это установили. Он - вон там, на полке в банке с формальдегидом, или в чем еще их маринуют. Тебе только кажется, что он здесь, и мы можем без труда избавиться от иллюзии, просто отключив наши имплантанты. Почему бы тебе не отключить их сейчас, если тебя так расстраивает его присутствие? Хотя нет, у меня есть мысль получше! Мы могли бы отключить сенсор, и тогда он перестанет считать, что он здесь. Тогда останемся только мы с тобой, в башенке над нашим большим пустым домом.

Кларисса повернулась к Лемми.

- Не обращай на него внимания. Ты такой же реальный, как мы. Просто ты живешь в ином медиуме, вот и все, в более современном медиуме, в котором сможешь до конца жизни оставаться молодым, здоровым и сильным, и у тебя никогда не появятся морщины, и ты никогда не сделаешься таким же старым и озлобленным, как мы. Вот и вся правда, просто Теренс не хочет ее принять.

Но Лемми ей не ответил. Он смотрел на монитор. Перед Сердцевиной Лондона притормозил огромный грузовик с прицепом и теперь въезжал в автоматически раздвинувшиеся ворота. Странно, но в кабине грузовика не было окон, поэтому

Лемми не смог определить, кто или что сидит за рулем.

- Почему бы тебе тогда не присоединиться к ним, Кларисса, золотко? - фыркнул Теренс, его старческие глаза блеснули. - Почему бы тебе не попросить, чтобы твои мозги переложили в банку, а тебя саму подключили к Полю?

Лемми подобрался еще ближе к экрану.

- Эй, смотрите! Он там! Тот белый зверь. Вон там, возле того большого серого дома!

- Ох, Лемми, Лемми! - воскликнула, подбегая к нему, Кларисса. - Ты такой…

- Ради всего святого, возьми себя в руки, женщина! - рявкнул старик.

Он вытащил на середину комнаты стул.

- Что ты делаешь? - воскликнула она.

- То, что давно следовало сделать. Отправляю этого беднягу домой.

Взобравшись на шаткий стул, он потянулся к невидимому предмету под потолком.

- …Два… три… четыре… пять.

Лемми сидел на стуле в уютной маленькой гостиной, где проводил вечера со своими родителями, Дороти и Джоном. Джон смотрел телевизор. На каминном коврике свернулся серо-голубой мультяшный кот по кличке Мышастик (продавец на дот.лэндском рынке утверждал, что у него органическая центральная нервная система. Кто знает? Может, и правда. Может, где-то на полке в Сердцевине Лондона у него тоже есть свой маленький аквариум и свой маленький плевок овсянки).

Взметнув подол юбки нового платья, вошла мама Лемми.

- А где туш?!

Она закружилась по комнате. И папа Лемми (который был похож на рок-звезду былых времен, только вот слишком часто улыбался) развернулся в кресле и восхищенно присвистнул.

- А, Лемми! Привет, милый! - улыбнулась Дороти. - Я и не слышала, как ты вошел!

- Ух, ты! - удивился отец. - И я! Тихо же ты прокрался, приятель. Я понятия не имел, что ты дома!

- Так что скажешь, Лемми? - спросила Дороти.

- Классное платье, мам, - отозвался Лемми.

- Это не просто платье, милый. Твой добрый папа сделал мне чудесный подарок на день рождения и сапгрейдил меня до двухсот пятидесяти шести. Разве не видишь разницы? Думаю, я просто замечательно выгляжу.

- Дождь начался, - сказал папа Лемми.

О дожде можно было узнать по слабым серым потекам,

которые возникали в комнате, точно помехи на телеэкране. Но Лемми и его родителям они не мешали. Потеки были едва различимы, и почему-то от них еще уютнее было сидеть перед телевизором у камина. Ни Лем-ми, ни его родителям никогда не приходило в голову спросить себя, откуда они берутся.

Но в это самое мгновение Лемми вдруг понял. У их дома нет физической крыши. У него нет ни физических потолков, ни физического второго этажа, совсем ничего, что укрыло бы их от физического дождя, который падал с физического неба. В физическом мире тут не было ни телевизора, ни камина, ни ламп, ни пушистого ковра, ни уютных кресел, ни Мышастика, ни Дороти и Джона, ни самого Лемми, а был лишь пустой кирпичный остов, открытый непогоде и ветрам, развалина в ряду других таких же посреди заброшенного города.

- Я как раз подумал, какая у тебя красивая кожа, - сказал он. - Двести пятьдесят шесть, говоришь? Тогда все ясно.

Рассмеявшись, Дороти взъерошила ему вихры на затылке.

- Врунишка! Если бы я не сказала, сам бы ты не заметил. Примостившись в просторном кресле возле мужа, она положила ему голову на плечо.

Лемми подтащил свой стул поближе к маме и попытался смотреть с родителями телевизор, попытался раствориться в нем, как всегда делал это раньше, до того, как Кларисса Фолл впустила белого оленя из леса за периметром.

ПИККАДИЛЛИ-СЕРКУС

Кларисса Фолл направляется в центр Лондона посмотреть на городские огни, трясется по разбитым мостовым в электрической инвалидной коляске со скоростью пять миль в час, не замечая ни выстроившейся за ней очереди из машин, ни воя гудков, ни гневных криков… Сколько раз ее предупреждали? Сколько раз ее унижали? Но ей нужно увидеть огни.

- Когда я была маленькой, на Пиккадилли-серкус еще горели физические огни, - рассказывает она всем и каждому. - Помню, как папа меня туда водил. Ничего прекраснее я в жизни не видела.

Она всегда была странной. Помните, как она прорезала дыры в заграждении, чтобы впустить в город диких зверей? Помните юных сорвиголов, которых она настойчиво зазывала к себе домой? Но по-настоящему худо стало, когда умер ее муж Теренс,

оставив ее одну в том большом старом доме у периметра, в том псевдошато с пустыми фонтанами и ледяными огнями прожекторов, из-за которых по ночам оно походило на замок Дракулы. Наверное, во всем виновато одиночество, хотя бог свидетель: пока был жив Теренс, они с Клариссой постоянно ругались.

- Мне двести лет, знаете ли, - то и дело повторяла она теперь. - Я самый последний физический человек в Лондоне.

Разумеется, все это было не так, но бесспорно другое: она действительно была очень стара, и проходили дни и даже недели, когда она никого физического не видела. Нас уже не так много осталось, и, чтобы поддерживать друг друга, большинство образовало колонии в несколько домов вокруг общего сада в предместьях Южного Лондона. В радиусе пяти миль от псевдошато Клариссы у северного периметра вообще никто не жил, и никому не хотелось ее навещать. Она всегда была эгоцентрична и сумасбродна, а теперь просто помешалась. Хуже другое: она привлекала к нам ненужное внимание как виртуальцев, которые и так уже нас не любили и называли «людьми Извне» и «жутиками», так и невидимых властей из Сердцевины.

Ее беда заключалась в том, что ни в одном из миров - ни в физическом, ни в виртуальном - она не чувствовала себя дома. Косность (как она это называла) физических вызывала у нее отвращение. Она считала нас лицемерными, скучными и самодовольными и презирала за допущение, что наше собственное существование единственно аутентичное и истинное.

- Вы бы предпочли конец света, лишь бы не признавать, что помимо нас есть другие формы жизни! - как-то заявила она.

Но запираясь перед нами, она не меньше презирала и виртуаль-цев - за их поверхностность и безусловную готовность считать реальностью все, что подсовывает им Сердцевина, за отсутствие любопытства и подчеркнутое безразличие к тому, откуда они взялись и что действительно собой представляют. Она вечно критиковала нас, но ей и в голову бы ни пришло отказаться от собственного физического существования и присоединиться к виртуальцам, обменять свое тело на виртуальный конструкт. А потому для них она оставалась «человеком Извне».

Хотя своей она себя не чувствовала нигде, зато для всех и каждого в обоих мирах сделалась сущей занозой в заду - главным образом из-за своих вылазок в город. Сначала она ходила пешком. Потом, когда слишком ослабла, раздобыла где-то маленькое инвалидное кресло-коляску, которую вскоре научились узнавать и стали ненавидеть виртуальцы Северного Лондона.

Медленно трясясь по разрушающимся физическим мостовым, она отключала свой имплантант Поля, чтобы ее не обманывал гладкий виртуальный асфальт, и, соответственно, не видела и не слышала потока виртуальных машин. Перед ней тянулись лишь пустые дома и щербатый, растрескавшийся асфальт заброшенной улицы. А виртуальным водителям приходилось мириться с тем, как она петляет с полосы на полосу.

Но, останавливая коляску, Кларисса обязательно включала имплантант. И, разумеется, он превращал разрушенный физический Лондон в оживленный мегаполис, который существовал в Городском консенсусном поле: Сердцевина накладывала виртуальный симулякр Лондона былых времен на сегодняшнюю реальность. Кларисса помнила былые дни: толпы, выхлопы, огни, шум, суматоха большого города, в котором - как это ни странно - миллионы людей бездумно потребляли и расходовали любые ресурсы физического мира и отбрасывали все то, что оказывалось ненужным. Она не просто тосковала по суете и бурной жизни, она отчаянно ее жаждала.

Конечно, у всех физических имелись имплантанты Поля. Они были необходимы для контакта с цивилизацией, которая, нравилось нам это или нет, стала цифровой. Сращенные с нашей нервной системой, имплантанты накладывали виртуальные конструкты на наше восприятие материального мира, и в результате мы видели тот же мир, что и виртуальцы, слышали то же, что и они, и даже - отчасти - могли касаться того, чего касались они. Большинство из нас рано или поздно приходило к выводу, что подобные контакты нам неприятны, а цифровой мир считали неизбежным злом. Но для Клариссы дело обстояло иначе. Имлпантанты она включала не из практической необходимости, а словно бы вгоняла себе дозу героина. Будто по мановению волшебной палочки, вокруг нее оказывались люди, повсюду бурлила жизнь, поблескивали стекла витрин, рыночные ларьки манили разноцветными товарами, и головокружительная внезапность преображения действовала сильнее любого наркотика.

Но наркотиком для Клариссы стало не само Поле, а его включение. Дальнейшее уже не дотягивало до заманчивого обещания, таящегося в первом мгновении, и сколько бы Кларисса ни пыталась, виртуальный мир ее не принимал. А она очень и очень старалась. Она много часов проводила в виртуальном городе у дверей магазинов, на перекрестках и в скверах, где снова и снова жадно пыталась завязать разговор. Виртуальцы обычно ее избегали, нисколько не скрывая своего презрения. Да, верно, несколько добрых душ могли забыть о своем отвращении к ее

возрасту, к самой ее *физичности* и на краткий миг давали ей иллюзию, что она с кем-то подружилась - но ими двигало лишь сочувствие. К тому же Кларисса была плохой собеседницей. Она слишком много говорила и не умела слушать, и что гораздо хуже, порицая нас за экзистенциальный снобизм, сама была не меньшим снобом. И ее снобизм не знал меры: она никогда не упускала возможности ткнуть виртуальцев носом в поверхностность и иллюзорность их бытия:

- Ты такая милая, душечка! Какая жалость, что ты тут не взаправду.

Обычно она оказывалась в «мертвом пятне», - люди обходили ее стороной. И в таких ситуациях она срывалась, разражалась гневными тирадами, кричала:

- Вы не настоящие, слышите! Вы просто подключенные к компьютеру комки нервных окончаний! Вы далеко отсюда, и компьютер посылает вам картинки реального Лондона, на который наложена всякая виртуальная ерунда!

Пока был жив Теренс - с надменностью, присущей физическим старикам - он сам часто так говорил, но тогда еще Кларисса его одергивала:

- Кто сказал, что твой мир более реален, чем их?

Помню, Кларисса как-то набросилась на него во время одного из собраний нашего сообщества. Они сидели с противоположных сторон длинного обеденного стола, заставленного серебром и хрусталем. Те-ренс не поддавался на ее провокации, и всем физическим хотелось, чтобы она умолкла и позволила нам вернутся к привычному оцепенению.

- Ну же, Теренс, подумай! - не унималась она. - У виртуальцев хотя бы есть жизнь, они хотя бы друг другом интересуются. - Она обвела собравшихся свирепым взглядом. - И что, по-вашему, останется от нас самих, если мы откажемся от всего, что существует вне нас, от всего, что сделано другими? Мы будем голыми. Мы превратимся в маразматиков. Только подумайте! Даже разговаривая сами с собой, мы используем то, что нам дали другие.

Но так было тогда. Сейчас казалось, что Теренс с самого начала говорил от имени второго «я» Клариссы.

- Не смотрите на меня так! - огрызалась Кларисса на виртуаль-цев, когда они указывали на нее пальцем и смеялись. - Вы продали свои тела за иллюзию молодости и изобилия, но я-то настоящая!

Иногда посреди такой тирады она демонстративно отключала имплантант, чтобы люди и машины исчезли. Дома тогда превращались в голые остовы, а витрины магазинов с их

разноцветьем товаров - в черные провалы.

- Я вас даже не вижу! - кричала она, зная, что виртуальцы все равно ее видят, так как размещенные повсюду сенсоры улавливают изображение, звук и текстуру физических объектов и включают их в матрицу, внутри которой существует консенсусный город. Они вынуждены ее видеть, у них просто нет выбора. - Я в реальном мире и совершенно вас не вижу. Поняли теперь, что вы такое?! Вас можно просто выключить!

Но хотя она с удовольствием сообщала виртуальцам, что их не существует, их мнение было для нее отчаянно важно, и она не могла устоять перед искушением снова включить имплантант, чтобы посмотреть, как подействовал ее крик (я никогда не встречал человека, который бы так часто включал и выключал имплантанты, как Кларисса). Но виртуальцы почти всегда ее старательно игнорировали.

И вот, когда, закатив истерику, она обнаруживала, что никто на нее не реагирует, ситуация выходила из-под контроля. Однажды, за месяц до своего путешествия на Пиккадилли-серкус, она почувствовала, что не может завладеть вниманием прохожих возле станции подземки Уолтхэмстоу. Не желая признавать своего поражения, она, невзирая на артрит и общую слабость, заковыляла вниз по лестницам, чтобы на платформе дождаться поезда на юг. Платформа вокруг нее опустела, так как все виртуальцы сгрудились на другом конце.

А после, когда подошел поезд, она решительно попыталась в него войти. Естественно, она упала на рельсы, ведь поезд-то был виртуальным, частью Поля, способного выдерживать не физический вес, а лишь абстрактный вес виртуальных проекций. Она сломала косточку в колене. Ей было очень больно, но она встала и принялась ковылять взад-вперед по рельсам, ожидая, что кто-нибудь поможет ей забраться на платформу. Законы Поля не позволяли поезду тронуться, пока она внизу. А ведь Кларисса сама нарушила эти правила. Пассажирам оставалось только с ужасом смотреть, как старуха с трудом ходит по пояс в полу вагона, как она, запрокинув голову, обвиняюще буравит их взглядом и упрекает в недостатке сочувствия:

- Разве в Лондоне не осталось никого, кто помог бы пожилой женщине? Вы что, не только тела, но и сердца потеряли?

Сломанные кости и вообще физические травмы совершенно выходили за рамки разумения виртуальцев, поэтому они могли бы и не сочувствовать ей, но действительно хотели помочь, если не из чистого альтруизма, то хотя бы в собственных интересах, ведь она задерживала их поезд (не говоря уже про те, которые шли за ним) и всех выводила из равновесия. Виртуальцы, если,

конечно, они не обнищали до крайности, однообразно красивы, и, хотя рано или поздно умирают, но не старятся, как мы. Изо рта у них никогда не вылетают капельки слюны. Под носом никогда не блестит капля. Их макияж не размазывается. Наверное, поистине ужасно смотреть, как по вагону бродит грязное и страшное морщинистое существо, голова которого едва достает им до колен: ни дать ни взять - гоблин из сказки. Но что они могли сделать? Своими виртуальными руками они так же не сумели бы втянуть Клариссу на платформу, как ее не удержал пол виртуального вагона.

Поэтому кто-то позвонил в Сердцевину, а из Сердцевины дали знать сообществу физических, что один из нас попал в беду.

В наших домах надрывались телефоны. Физические Лондона похожи на членов старой перессорившейся семьи, которые давно уже глухи к недугам ближних, которые знают все их мелкие и мучительные слабости. Подобное равнодушное оцепенение способна нарушить лишь общая беда.

- Проклятая Кларисса. Вы слышали?

- Кларисса снова взялась за старое.

- Конечно, нельзя привлекать Агентов. Реальные люди должны сами решать своих проблемы.

- Проклятая Кларисса! Как она смеет ставить нас в такое положение?

В конечном итоге делегировали нас с Ричардом Говардом. Мы пересекли весь Лондон и, поскольку не могли воспользоваться виртуальными эскалаторами, тоже медленно и неловко сползли по гулкой бетонной лестнице на платформу. Кларисса сидела на рельсах. Она опять отключила имплантант - отчасти демонстративно, отчасти чтобы не нервничать при виде сотен возбужденных виртуальцев. Но в результате она оставила себя и без света ламп, который накладывало на заброшенную и неосвещенную станцию Поле. Последний час она, спотыкаясь, завывая и плача, бродила в кромешной темноте - видя одних лишь крыс и слыша только стук водяных капель, доносящийся откуда-то из глубины туннеля.

Мы с Ричардом включили имплантанты, чтобы видеть, что делаем, и потому нам пришлось сносить холодные взгляды виртуальцев. Они сидели в поезде, наблюдая, как мы неуклюже втаскиваем Клариссу наверх; они стояли на платформе, глядя, как мы ее отряхиваем; они перегибались с виртуальных эскалаторов, посмотреть, как мы несем ее по бетонным ступенькам.

- Взгляните на этих жутиков! - сказал один из прохожих, когда мы помогали Клариссе сесть в пикап Ричарда. - Какие

безобразные у них рожи! У них что, нет никакого самоуважения?

Ответом ему стал общий гул согласия. Как правило, виртуальцы боятся нас, людей Извне, и наших жутковатых способностей в их мире (в особый трепет повергает их Ричард - с его огромным ростом, пышной гривой седых волос и манерой надменно проходить сквозь виртуальные стены). Но в тот момент мы мало кого могли напугать: два отдувающихся раскрасневшихся старика помогают колченогой сбрендившей старухе сесть в древний пикап.

- Не забудьте мою коляску! - взвыла вдруг Кларисса. Каким-то образом мы умудрились затолкать инвалидное кресло

через задние дверцы. Один бог знает, почему мы на это согласились, а ведь с полным правом могли бы возразить, что оно слишком тяжелое, и оставить его в сквере. Но приказы Клариссы, как правило, действовали на нас магически. Мы могли ворчать, роптать, но неизменно поступали так, как она велела.

- Только не надейся, что мы снова будем тебя спасать, - сказал ей Ричард уже у нее дома, туго забинтовывая старухе ногу. - В следующий раз это будут Агенты.

Никто из нас не знал точно, что собой представляют Агенты, известно было лишь, что они подручные Сердцевины в физическом мире. У них не было различимых лиц. Их гладкие головы и тела покрывал скафандр или кожа особого голубого оттенка, который не улавливали сенсоры Поля, и потому для виртуальцев они оставались невидимками. Одни из нас считали их просто роботами, другие - новой разновидностью людей, выведенных и выращенных для собственных целей Сердцевины. Но кем или чем бы они ни являлись, мы боялись их почти так же, как и виртуальцы, которые знали о них лишь по слухам, и их присутствие могли определить только по косвенным признакам.

- Я бы этого не перенесла, - пробормотала Кларисса. - Только не Агенты, которые придут за мной в темноте.

- Решать тебе, - отозвался Ричард. - Если снова попадаешь в переплет, другой помощи не жди.

Когда-то, в эпоху до Теренса, он был женат на ней. Как бы абсурдно это ни звучало, раньше они любили друг друга. И даже сейчас Кларисса попыталась рассеять его гнев кокетством.

- Ричард, дорогой, я знаю, что была глупой девочкой, но обещаю впредь вести себя хорошо.

Я обдумываю написанное: «Большинство из нас рано или поздно приходило к выводу, что подобные контакты нам неприятны, а цифровой мир считали неизбежным злом…»

Воображаю, как издевательски фыркнет Кларисса, прочтя эти строки.

- А ты бы предпочел, чтобы были только мы и никакого виртуального мира?

На самом деле происходит как раз обратное.

Виртуальные урбанистические конструкты создавались ради того, чтобы извлечь людей из окружающей среды, находившейся на грани полного уничтожения, и было решено, что эти города будут соответствовать старым физическим. На то имелись три причины. Во-первых, многих смогли уговорить принять консенсусный, или в просторечии виртуальный, статус, лишь пообещав, что у них сохранится доступ к тому, что они тогда еще считали «реальным миром». Во-вторых, проектировщики сочли необходимым оставить виртуальцам возможность контактировать с теми из нас, кто купил себе исключение из процесса «обесфизичивания», уплатив огромные штрафы и позволив себя стерилизовать (ведь в те дни физические и виртуальцы жили бок о бок, могли быть братьями и сестрами, отцами и сыновьями, однокашниками и давними друзьями). Третья причина была связана с мощностями самой Сердцевины: при всей огромности процессоров ее возможности были небезграничны, и виртуальный мир, который опирался на физический, требовал гораздо меньше системных ресурсов, чем выдуманный от начала и до конца.

Сейчас эти три условия утратили силу. Сердцевина разрослась, физические и виртуальцы отдалились друг от друга, и последние давно уже перестали воспринимать физический мир как «реальность». Поэтому, с точки зрения и политики, и техники, Сердцевина могла бы отделить физический город от виртуального. Отчасти это было бы проще, чем поддерживать статус-кво за счет дорогостоящей сети сенсоров.

Но, если быть честным, мне становится не по себе от одной мысли, что однажды я проснусь в Лондоне, где имплантанты больше не работают, где больше не встретишь виртуальцев, а мы предоставлены самим себе среди развалин. Эта мысль вызывает у меня ужас, ощущение заброшенности, изоляции. Видимо, говоря, что вирту-альцы нужны нам из практических соображений, что их присутствие неизбежное зло, я просто ищу рациональное объяснение этому чувству.

Думаю, свое обещание Кларисса держала дня два, а после снова покинула дом в коляске. Уже через неделю она вернулась в Уолтхэм-стоу, хотя избегала станции подземки и больше сцен не устраивала.

Не прошло и месяца, как она стала заряжать аккумулятор для большого путешествия - в самый центр Лондона. А после и впрямь взяла туда курс, мрачно подпрыгивая на рытвинах мостовой и упрямо отказываясь думать о том, насколько хватит

зарядки.

Как всегда, она катила, выключив имплантант. Ее обступали разрушенные дома и заброшенные бензоколонки, мостовая лежала пустая, растрескавшаяся от многолетних заморозков. Но время от времени она останавливалась ради желанной «дозы», ради мгновия уюта и утешения, когда перед ней среди безмолвных руин вставал живой город.

- Я еду на Пиккадилли-серкус, - говорила она людям возле магазинчиков на Стоук-Ньютингтон. - Когда я была маленькой, меня водили туда посмотреть на разноцветные огоньки.

Покупатели - все как один - отворачивались.

- Как я любила эти огоньки, - рассказывала она букмекеру у дверей его конторы в Ислингтоне, - они плыли и искрились. Яркое электричество! Волшебные краски.

- Почему бы тебе не вернуться домой, жутик? - пробормотал букмекер и поспешил прочь.

- Наверное, огни там до сих пор есть, правда? - спросила она девушку на Кингс-кросс. - Ну, конечно, не настоящие, а те, которые вы способны видеть?

- Да, да! - откликнулась девушка, которую звали Лили. - На Пиккадилли-серкус чудесные огни, но они совершенно настоящие, понимаете? Они не физические, вы не подумайте ничего такого.

Особым умом Лили не отличалась, но была рада сделать доброе дело. Ее простое круглое личико, с очень низким разрешением и совершенно плоское, выглядело так, будто его взяли из комикса. Виртуаль-цы могли выбирать себе внешность, становиться настолько хорошенькими, интересными или получать настолько высокое разрешение, насколько позволяли их банковские счета. Но детальная проработка стоила дорого, а, судя по внешности девушки, Лили была очень бедной. Кожа у нее была однородно розовая, одежда - цветовой заливкой, вместо глаз - точки, а вместо улыбки вверх или вниз загибались кончики прямой линии.

- Ну, я, во всяком случае, уверена, что они не физические, - произнесла она тоненьким низкоразрешенным голоском, но вдруг сообразила, что попала впросак, и улыбка внезапно обратилась в изгиб раскаяния. - Ох, простите пожалуйста. Я не хотела сказать, что плохо быть… ну, знаете… физической. Просто неудачно выразилась.

- Не беспокойся, душечка. Я сплошь и рядом такое слышу. А ты - первый добрый человек, кого я встретила с тех пор, как вышла из дома.

Кларисса сняла с термоса крышку-стаканчик и, сидя в своей

колясочке, налила себе немного кофе. Была середина октября, прохладный осенний день клонился к вечеру, и ей становилось зябко.

- Когда я была маленькой, мой папа повел меня на Пиккадилли-серкус посмотреть огоньки. Но, понимаешь, мне было совсем мало лет, и я услышала не «серкус», а «цирк», и когда мы туда пришли, спросила, куда подевались клоуны и тигры. «И где красивые тети в трико?» - спрашивала я. А папа объяснил, что это не «цирк», а «серкус» - круглая площадь, по которой ездят машины. О чем он еще говорил, я забыла, но точно помню, как вокруг меня переливались чудесные электрические огни и как я поняла, что мне нет дела до тигров и красивых теть в трико. В детстве краски кажутся волшебными. Я смотрела то в одну сторону, то в другую, но мне хотелось видеть все разом, так что под конец я решила, что буду кружиться на месте.

Поднеся крышку-стакан к губам, она отпила кофе.

- Я Лили, - дружелюбно сказала Лили.

Девушка удивленно смотрела на сеть морщинок, на старческие коричневые пятна, покрывавшие руки Клариссы, на то, как сами руки, не переставая, дрожали, так что кофе выплескивался через край. Если низкоразрешенной внешности Лили не хватало деталей, то у Клариссы их было в избытке. Но больше всего Лили сбивало с толку, что они не служили для украшения. Такая внешность, наверное, стоит целое состояние, решила Лили, но как можно самой захотеть вот так выглядеть?

- А меня зовут Кларисса, милочка. Кларисса Фолл, - величественно ответила старуха и, допив кофе, стряхнула капли из стакана прежде, чем закрыть термос.

- Вы дорогу знаете? - рискнула спросить Лили. - Знаете дорогу на Пиккадилли-серкус?

- Хотелось бы думать! - фыркнула Кларисса. - Мне больше двухсот лет, и в Лондоне я живу с самого рождения. Я здесь последний физический человек.

Она глянула на часы. Ей мучительно хотелось общения и внимания, но, получив их, она всегда была на удивление нетерпеливой и резкой.

- Двести лет! - почтительно повторила ее слова Лили. - Так вы совсем старая! Просто на случай, если вы не знаете, я могла бы вам показать…

- Да. Ради бога, покажи, - великодушно согласилась Кларисса.

Законы физического мира не позволяли нам ездить на виртуальном транспорте, но правила Поля не мешали виртуальным людям ездить в физической коляске. Единственная проблема заключалась в том, что инвалидное кресло было

сконструировано лишь для одного человека, поэтому Лили пришлось встать сзади на небольшую приступочку, предназначенную для сумок с покупками.

- Ладно, - сказала Лили, которой чувство собственного достоинства было не по карману. - Тут недалеко.

- Боюсь, мне придется отключить имплантант, - сказала Кларисса, - чтобы видеть рытвины на дороге. Пока не прибудем на место, ты со мной разговаривать не сможешь.

- Я не против, - храбро согласилась Лили.

Она понятия не имела, о чем говорит Кларисса, но уже давно смирилась с тем, что жизнь по большей части непостижима.

Кларисса тронула рычаг, чтобы завести коляску. И делая это, невзначай бросила взгляд на дисплей аккумулятора. Когда она отправилась в путь, стрелка указывала на «Полный заряд», но сейчас уже дрожала на краю красного участка с надписью «Осторожно! Опасно низкий!». Лишь на одно мгновение Кларисса позволила себе понять, в какую беду попала, и почувствовать страх, а после решительно выбросила все из головы.

Кларисса медленно ехала по Тоттенхем-Корт-роуд. Универмаги электроники были темны и пусты, их витрины - затянуты пылью, а то и вовсе выбиты и полны мертвых листьев. Голые переулки вокруг засыпаны щебнем. Если не считать гудения электрической коляски и постукивания камешков, вылетающих из-под резиновых колес, царила мертвая тишина.

А Лили видела повсюду многоцветье товаров в витринах, машины, автобусы и людей.

- Почти приехали! - весело крикнула она, еще не окончательно уразумев, что с дезактивированным имплантантом Кларисса не видит ее и не слышит.

Потом она вдруг испуганно пискнула, когда Кларисса беззаботно свернула влево прямо под носом у автобуса и с величественным безразличием к гудкам и возмущенным воплям покатила по противоположной полосе.

- Она физическая! - кричала в объяснение Лили со своей приступочки позади Клариссы. - Просто она физическая.

На середине Шафтсбери-авеню аккумулятор окончательно сел, и коляска встала.

Вот тут Кларисса не на шутку испугалась. Вечерело, становилось очень холодно, а она - пожилая женщина со сломанной ногой - застряла среди развалин города. У нее нет крыши над головой, нет ни еды, ни питья и никакого способа добраться домой.

Но Кларисса хорошо умела выбрасывать неприятное из головы.

- Тут недалеко, - пробормотала она, имея в виду не псевдошато, свой далекий дом, а площадь Пиккадилли-серкус, которая ждала впереди. Пиккадилли-серкус не обещала ни тепла, ни пищи, ни выхода из ее затруднений, но главное ведь не в этом. - Придется пойти пешком, - сказала она. - Глупо забраться так далеко и ничего не увидеть.

Выбравшись из инвалидного кресла, она уже собралась мучительно проковылять оставшиеся несколько сотен ярдов, как вспомнила про Лили и остановилась.

- Остаток пути пойду пешком! - заорала она, совершенно верно предположив, что Лили потянулась за ней следом, но ошибочно - что невидимость девушки делает ее глухой. - Я тебя не вижу, потому что мой имплантант выключен, и я не хочу его включать, пока не доберусь до места, иначе все впечатление пропадет.

Она все распланировала заранее. Она не включит имплантант, пока не окажется прямо посреди серкус.

- Но можешь пойти со мной, если хочешь! - крикнула она, словно лично контролировала доступ в общественные места.

Она прошаркала еще несколько шагов по мертвой улице, а в другом Лондоне ее объезжали машины, на нее пялились пешеходы, а Лили терпеливо брела следом, будто они Добрый Король Венцеслас и его верный паж*.

- Но вот что я тебе скажу. - Кларисса снова остановилась. Лицо у нее перекосилось от боли, но голос звучал беспечно. - Если тебе покажется, что нужно позвонить Совету и попросить разыскать какого-нибудь физического, чтобы он приехал и мне помог, я была бы признательна… Просто в моей треклятой коляске сел аккумулятор, понимаешь, и назад она меня не повезет.

- У меня нет денег, - ответила Лили. - Как, по-вашему, это экстренная ситуация? Мне набрать номер для экстренных ситуаций?

Но, Кларисса, разумеется, ее не услышала.

Когда она прихромала наконец на Пиккадилли-серкус, уже стемнело. Здания высились бессмысленными нагромождениями камня, тысячи разноцветных лампочек на старых рекламных вывесках были темны и неподвижны, а статуя Эроса больше походила на ангела смерти над гробницей, чем на бога физической любви.

С Риджент-стрит ветер принес капли дождя. Губы и пальцы Клариссы посинели от холода, ее била дрожь (Лили была потрясена: она в жизни ничего подобного не видела, ведь виртуальцы не мерзнут). А еще Клариссу мучила боль: сломанная

косточка в колене сместилась, и казалось, будто в мышце проворачивают нож, а еще она устала, ей хотелось есть и пить. Слишком поздно она сообразила, что термос с кофе забыла в инвалидном кресле.

- Ты глупая гусыня, Кларисса Фолл, - ворчала она себе под нос. - Не в состоянии сама о себе позаботиться. Однажды ты просто сыграешь в ящик, придут крысы и тебя съедят. И во всем будешь виновата ты одна.

Потом она вспомнила про свою низкоразрешенную спутницу.

- Ты еще тут, Лили? - заорала она. - Ты позвонила, как я просила? Я сейчас подойду вон к той статуе и включу имплантант, и тогда мы сможем поговорить.

Она доковыляла до постамента Эроса и подняла руку к имплантанту у себя за ухом. На пустынную площадь разом хлынули краски, электрический свет и бурлящая жизнь большого города. Люди были повсюду. Машины сияли передними фарами и оставляли за собой тлеющие огоньки задних, а еще ездили черные такси и красные автобусы, полные пассажиров, из окон лился уютный желтый свет. Волшебные реки электрического света складывались в живые картины, и мерцающие слова вывесок переливались на фоне из чистейшего пурпура, красного, зеленого, желтого, голубого и белого.

- О! - завороженно воскликнула Кларисса. - Почти такие же, как в те времена, когда я была маленькой и огни были настоящими!

- Я же говорила, что они чудесные, - сказала Лили, словно комнатная собачонка, которая ждет час, два или три, пока хозяйка про нее вспомнит, и будет бесконечно благодарна, если на нее наконец обратят внимание.

Кларисса с улыбкой обернулась, но карикатурное личико Лили подействовало на старуху неожиданно: она ощутила одновременно укол жалости и отвращения. Ее улыбка поблекла. Ее радость развеялась. Она почувствовала, как к ней стучится физический мир: острые когти физической боли терзали ногу и голова раскалывалась от усталости и обезвоженности.

Лили почувствовала перемену в ее настроении, и концы простенькой черточки, служившей ей ртом, как раз начали загибаться вниз, когда Кларисса вновь выключила имплантант. Лили исчезла, а с ней и огни, такси, автобусы и пестрая толпа. Стало очень темно и совершенно тихо, и дома замаячили смутными тенями.

- Дело в том, Лили, - объявила пустой тьме Кларисса, - что вы, виртуальцы, совсем как эти огни. Всего лишь движущиеся картинки, складывающиеся из точек. Просто изображения

автобусов, изображения машин, изображения людей…

Подчеркнуто повернувшись спиной к тому месту, где стояла Лили, Кларисса опять включила имплантант, и огни зажглись снова. Но на сей раз не было ни дрожи возбуждения, ни радостного шока, ничего, что скрасило бы холод и боль. «Словно каналы на телевизоре меняешь», - горько подумала Кларисса и тут же потянулась выключить имплантант. И в этот момент тумблер, сконструированный так, чтобы его трогали не больше пары раз за день, наконец не выдержал и сломался, отказываясь оставаться в том или другом положении. Теперь все, окружавшее Клариссу, беспорядочно мерцало, раз в несколько секунд перескакивая из виртуального в физический мир и обратно, - и она ничего не могла с этим поделать. Некоторое время Кларисса стояла, беспомощно и безутешно теребя тумблер, потом сдалась и села на асфальт у подножия статуи. А что еще ей оставалось?

- Ты позвонила Совету, Ли… - начала она, но тут виртуальный мир пропал. - Ах ты боже мой… Лили, ты еще тут?.. А, ты уже здесь? Хорошо. Ты позвонила Совету? Просто, кажется, мне пора домой… Лили? Лили! Совет пришлет помощь? Скажи, не надо Агентов. Скажи, пусть вытащат из постели кого-нибудь физического. Они будут на меня злиться, но все равно приедут. Плевать, что там говорил Ричард.

Но вне зависимости от пожеланий старухи, Агенты были уже в пути: четверо спешили с четырех разных сторон, оторвавшись от четырех разных дел в разных частях Лондона. Они были еще далеко, но приближались. Их послала Сердцевина после того, как связалась с Ричардом Говардом и узнала, что мы, физические, больше не придем.

Позже Ричард устыдился и позвонил мне.

- Знаю, это кажется жестоким, - оправдываясь, сказал он, - но я действительно считаю, что нам лучше не вмешиваться, разве нет? Клариссе надо понять всю серьезность положения, иначе она опять возьмется за старое. Господи помилуй, она же не где-нибудь, а на Пиккадилли-серкус! Даже Кларисса должна сознавать, что нельзя съездить в центр Лондона и обратно на этой ее глупой колясочке. Она, совершенно очевидно, решила, что кто-нибудь за ней приедет. Прямо-таки на это поставила.

Я не меньше его злился на Клариссу. Полуденные часы я провел, сгребая листья и прибираясь в моем обнесенном стенами садике. Я только что съел легкий ужин, налил себе стакан старого портвейна и рассчитывал на тихий вечерок у камина, уютное время, которое пробежит за подготовительными заметками к главе 62 моей книги «Упадок и разрушение Реальности» (главы 60 и 61 я посвятил появлению интернета и мобильных телефонов

и как раз подходил к центральному эпизоду повествования: моменту, когда человечеству впервые были представлены неопровержимые доказательства того, что его жизнедеятельность уничтожит планету - и не через сто или пару десятков лет, а уже через два-три года, если не сократить его физическое присутствие до сегодняшнего уровня).

- Проклятая Кларисса! Проклятая, проклятая, проклятая Кларисса!!!

Ну почему я должен отказывать себе в удовольствии посидеть над новой главой, если старуха по собственной воле, преднамеренно впуталась в такие неприятности? Даже днем мысль о поездке в центр Лондона вызывает у меня ужас, и Кларисса это прекрасно знает и тем не менее преспокойно решила, что меня можно вытаскивать из дома всякий раз, когда ей приспичит. И все-таки я понимал, что должен за ней поехать.

- Не могу же я оставить ее Агентам, Ричард. Знаю, она невыносима, знаю, она нас использует, но не могу же я ее бросить.

- Да бога ради, Том! Это послужит ей уроком, - отозвался Ричард, распаляясь от моей мягкотелости. - Как она вообще чему-то научится, если мы сейчас не проявим твердость? Это для ее же блага. И вообще, Агентов уже не отзовешь. Сам знаешь, каковы они.

- Ну, если они там будут, то и мне лучше поехать. Они напугают ее до смерти. Поеду прямо сейчас, тогда рядом хотя бы будет кто-то знакомый.

Я вышел на холод и завел машину. Я ужасно злился на Клариссу, боясь, что на меня вновь нахлынут горькие чувства, которые неизменно пробуждали во мне поездки в Лондон: смущение, стыд, горечь утраты, зависть, глубокое горе, сходное с тем, какое испытываешь, видя бывшую возлюбленную, которая ныне принадлежит другому и уже никогда, никогда к тебе не вернется… Меня мучила сама мысль о том, сколько сил будет потрачено зря, а еще пугали холод и темнота.

Когда я добрался до Пиккадилли-серкус, как раз прибыли Агенты: один появился с Шафтсбери-авеню, другой - с Пиккадилли, и еще по одному - с разных концов Риджент-стрит. Но, съежившись под статуей Эроса, Кларисса их не видела, поскольку, когда тумблер опускался, ее обступала кромешная тьма, а когда поднимался, сами Агенты становились невидимы. Рядом сидела на корточках Лили, виртуальной рукой обнимая старуху за физические плечи. Иногда Кларисса видела девушку, иногда нет, но в любом случае не могла получить тепла от прикосновения, сколько бы Лили ни желала его дать.

Когда свет моих фар скользнул по физическому пространству, первым, что увидела Кларисса, были двое Агентов, надвигающихся на нее из темноты. Ей они показались кошмаром из детских снов, и она закричала. Потом ее имплантант сам собой включился, и, закрывая их, вернулись автобусы и толпа. Но так стало даже хуже, ведь она знала, что Агенты все равно приближаются, хотя теперь и невидимые.

Она опять закричала.

- Не подходите ко мне, слышите! Не подходите!!!

- Не бойтесь, Кларисса, - сказала Лили. - Я здесь, я с вами.

Но Лили понятия не имела о происходящем. Она не знала, что такое холод. Она не знала, что такое физическая боль. Она не подозревала о присутствии Агентов. Она понятия не имела, что за мир безмолвия и теней прячется за яркими огнями Пиккадилли-серкус.

Я вышел из машины. Мой собственный имплантант был включен, и я осторожно преодолевал лежащую между мною и Клариссой площадь, прекрасно зная, какие ужасные рытвины могут скрываться под виртуальным асфальтом. Я изо всех сил старался не обращать внимания на множество виртуальных глаз, следивших за мной с холодным неодобрением, и одновременно кипел от ярости на эгоистичную Клариссу, которая снова заставляет меня переживать такое.

Как она посмела вытащить меня сюда холодной ночью! Почему я должен сносить иллюзию Консенсусного Поля и недоброжелательные взгляды виртуальцев, когда мне хочется лишь сидеть дома за высокой изгородью, которую я подстриг в виде крепостных стен, за запертыми дверьми, за плотно задернутыми шторами, и писать о реальности?

- Вы ее знаете, верно? - спросил меня прохожий. - Так сделайте же что-нибудь, приятель. Она же чокнутая. Больная. Ей нужна помощь.

Я не ответил. Я так и не научился разговаривать с этими людьми, столь отчетливо нереальными и столь очевидно живыми. Я презирал их и одновременно им завидовал. Каким безвкусным был их сконструированный мирок и с какой малодушной покорностью они его принимали. И сколь же узким и тусклым по сравнению с ним оказался мой собственный мир, мой унылый садик, моя подстриженная изгородь, моя книга, мой вечерний стакан портвейна, мои еженедельные вылазки в «Пегаса и Псов», в Последний Реальный Паб, где я пью Реальное Пиво во все скудеющей компании бесплодных и дряхлеющих старух и стариков, называющих себя Последними Реальными Людьми.

- Ее надо немедленно запереть, - сказала женщина. - Это та

самая, которая в прошлом месяце остановила поезда на Северной линии. Я видела ее фотографию в газете.

Я пробирался меж гудящих машин.

- Хватит, Кларисса, - холодно сказал я, когда подошел к ней. - Я опять за тобой приехал. Простофиля снова пришел тебе на помощь, как ты, без сомнения, и ожидала. Я приехал отвезти тебя домой.

- Простофиля? Это еще кто? - пискнула она. Она испугалась, что с ней заговорил один из Агентов.

- Всего лишь я, Кларисса. Всего лишь Том.

- Кто-кто? - пробормотала Кларисса, силясь меня увидеть.

- Он сказал Том, дорогая, - объяснила ей Лили.

Кларисса искоса глянула на карикатурное лицо с черными точками глаз и выгнутой черточкой рта. Потом Лили снова исчезла, вместе со всем Полем, и Кларисса опять очутилась в темном физическом мире. Но теперь в нем был свет фар моей машины, и, поскольку ее не отвлекало Поле, Кларисса ясно увидела, как подхожу я и как у меня за спиной сгрудились Агенты, ожидая, что придет их черед браться за дело, если я не сумею с ней сладить.

Неловко, мучительно, она поднялась на ноги.

- Мне просто хотелось снова увидеть огни. Такие, какие они были в моем детстве, - упрямо сказала она.

А потом вдруг закружилась на месте, как девочка, - но медленно, очень медленно, шаркая ногами и морщась от боли. И пока она кружилась, испорченный переключатель ее имплантанта продолжал щелкать, и несколько секунд вокруг нее летели яркие огни, автобусы и машины, потом снова наступал черед тьмы, которая была источником холода и боли, и вокруг плыли, сливаясь, пустые здания, подсвеченные лишь фарами моей машины.

Лили тоже то появлялась, то исчезала. Когда была она, растворялись Агенты. Когда пропадала она, возникали они. Неизменным оставался лишь я, который, как и Кларисса, мог и ощущать физический холод, и видеть виртуальные огни.

- Пойдем, Клари, - мягко сказал я ей. - Пойдем домой.

Несколько минут старуха не обращала на меня внимания, продолжая свое странное замедленное кружение и напевая себе под нос что-то без мотива и слов. Водители и пассажиры высовывались из окон машин и автобусов. Прохожие неприкрыто пялились на нас с тротуаров, словно «серкус» наконец превратилась в «цирк», словно мы здесь - лишь для того, чтобы устроить им представление.

А потом вдруг Кларисса остановилась, пошатнулась от

головокружения, но глаза у нее горели, как у загнанного зверя.

- Кто ты? - вскинулась она. - Скажи мне честно, кто ты? Странно, но в это мгновение все вокруг меня словно обрело новую

резкость: острее стал холодный ночной воздух физического мира и ослепительнее разноцветные огни виртуального… Странное столкновение двух миров, которое вызвала одна, без чужой помощи, моя Клари… И я поймал себя на том, что больше не злюсь, даже не обижаюсь, хотя она заставила меня проделать такой путь.

Я отключил имплантант у себя за ухом, чтобы проверить, на месте ли Агенты. Они еще стояли в стороне и ждали.

- Это я, Клари, Том. Твой младший брат Том.

Ближайший ко мне Агент слегка насторожился и наклонил голову в мою сторону, словно я напомнил ему о чем-то.

- Думаю, на сегодня с тебя хватит приключений, милая, - сказал я сестре, снова включая имплантант, лишь бы не видеть Агентов. - На один день достаточно, ладно? И не обращай внимания на Агентов. Я приехал за тобой. Я приехал отвезти тебя домой.

Она позволила отвести себя к машине, и я помог ей сесть. Она была бледна, растеряна, сломанная нога у нее сильно распухла. Я порадовался, что не забыл захватить для нее плед и термос с горячим какао, а также бутылку бренди.

Странное луноликое создание по имени Лили, человеческая душа в карикатурной оболочке, последовала за нами и теперь обеспокоенно глядела на Клариссу.

- С ней все будет хорошо? - спросила девушка. - Она вдруг стала такая странная. Что с ней случилось?

- С ней все будет хорошо. Она просто старая и очень устала, - отозвался я, закрывая дверцу со стороны Клариссы и обходя машину, чтобы сесть самому.

Я выключил имплантант, стирая Лили и огни и звуки Пиккадилли. В темном мертвом пространстве силуэтами маячили четыре Агента. Они сдвинулись ближе и теперь стояли в ряд. У меня возникло странное ощущение, что им тоже хотелось бы поехать с нами, хотелось бы, чтобы кто-нибудь приехал за ними с пледами, бренди и горячим какао.

Устроив сестру поудобнее, я повернул ключ в замке зажигания. Я собирался вести машину так, как всегда передвигалась она - не видя виртуальных машин. Я не любил так поступать. Я знал, сколь высокомерным это кажется виртуальцам и как они на нас негодуют (ведь именно этим мы, люди Извне, заслужили свою дурную славу), но слишком велик был риск

сломать подвеску по дороге домой - только этого еще не хватало.

- Если подумать, мы не так уж друг от друга отличаемся, - некоторое время спустя сказала Клари. Имплантант у нее был отключен, она смотрела в окно на заброшенные улицы, такие же одинокие, как пустые каньоны на какой-нибудь безжизненной затерянной в космосе планете. - Вон там физический мир, вот это физическая материя. Но мы же не такие, верно? Мы - сумма мыслей и образов. Рябь на поверхности бытия.

- Выпей еще чуточку бренди, Клари, а потом откинь сиденье и постарайся заснуть. Домой мы попадем не скоро.

Кивнув, она плотнее завернулась в плед. Ее имплантант включился сам собой, и она увидела, как с визгом тормозов от нас уворачивается такси и услышала разъяренный гудок. На краткое время вокруг нее вновь возникла оживленная ночная жизнь виртуального города. Потом все исчезло.

- Точно такие же, - сонно сказала она. - Точно такие же, как огни на Пиккадилли-серкус.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Chris Beckett. The Perimeter. Piccadilly Circus. 2005. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2005 г.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

06.08.2008